

Татьяна Чалыкова

*Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского,
(Шумен, Болгария)*

БЛУЖДЕНИЯ УМА: ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ О МЕНТАЛЬНО-КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

С точки зрения когнитивной лингвистики, концепты, репрезентирующие ментальную деятельность человека, представляют особый интерес. В языковой картине мира запечатлена саморефлексия ментальной деятельности, а также наблюдения над ментальной деятельностью других членов социума и ее оценка. Поэтому исследования вербальных структур и текстов русского языка, отражающих эту саморефлексию и рефлексию, позволяют сформировать представление как о видении механизмов когнитивной деятельности человека и ее оценки, так и ее соотношении с когнитивной деятельностью других членов социума.

Исследованию концептов, представляющих собой ядро ментально-когнитивной концептуальной сферы в русском языке – ум, разум и рассудок посвящен ряд работ (Головня, Дзин URL, Дзюба 2009, Дзюба 2015, Киндеркнехт 2005, Кириллова 2012, Сергеева 2011, Сергеева 2004, Сираева 2012, Урысон 2000, Пименова 2004, Никитина 2006, Аблогина 2011, Бычкова 2004, Кусова 2012 и др.). В большинстве работ отсутствуют попытки различения функционирования слов *ум*, *разум* и *рассудок*. Хотя границы между ними довольно размыты, в русской языковой картине мира все же существуют индикаторы их специфики. В данной работе будут представлены результаты поиска специфики указанных вербализаторов ментально-когнитивной деятельности человека в русской языковой картине мира.

Одной из наиболее типичных характеристик ума является его антропоморфность. Анализ контекстов употребления слова *ум* свидетельствует о том, что большинство определений к этому слову могут относиться к человеку в целом. Можно выделить следующие группы значений, являющихся общими для прилагательных, характеризующих как сам *ум*, так и самого человека:

Активный/пассивный: энергичный, бодрый, боевой, бойкий, быстрый, беспокойный, подвижный, ловкий, живой, жадный, резвый, цепкий, хваткий

(разг.) – неповоротливый, неподвижный, дремлющий, ленивый, пассивный, праздный, тяжелый, тяжкий, усталый.

Большой/небольшой: большой, высокий, обширный, огромный, громадный, широкий, всеобъемлющий, многообъемлющий, глубокий, энциклопедический, разносторонний – бедный, куриный (разг.), телячий (разг.), короткий, небольшой, тесный, куцый, ограниченный, односторонний, скудный.

Эмоциональный/бесстрастный: восторженный, запальчивый, горячий, пламенный, пылкий, порывистый, страстный, мятежный (поэт.), стихийный, раздраженный, резкий, дерзкий, решительный, пытливый, суетный – житейский, здоровый, здравый, зрелый, положительный, основательный, трезвый, рассудительный, холодный, хладный (устар.), охлажденный – подавленный, спокойный, робкий, апатичный, бесстрастный, вялый, забитый, сонливый, сонный, спокойный, унылый.

Гуманный/негуманный: гуманный, человеколюбивый, чуткий, благородный, возвышенный, смелый, добрый – жестокий, злобный, злой, змеиный, озлобленный, саркастический, грубый, циничный, ядовитый, язвительный, злонаблюдательный, равнодушный, неотзывчивый.

Гибкий/косный: гибкий, изворотливый, изобретательный, сметливый (разг.) – догматический, неподатливый.

Честный/коварный: честный – коварный, лукавый, хитрый, хитростный (устар.).

Превышающий нормы: гениальный, исключительный, недоужинный, оригинальный, необыкновенный, непобедимый, поразительный, изящный, тонкий, выдающийся, изощренный, блестящий, незаурядный – странный.

Устойчивый/неустойчивый: шаткий, зыбкий, легкий

Точный: меткий, точный, четкий.

Агрессивный: вьедливый, желчный, жестокий, злобный, злой, змеиный, озлобленный, раздраженный, резкий, стихийный.

Гордый: кичливый, надменный, насмешливый,

Недоверчивый: недоверчивый, подозрительный, скептический.

Определения ума, как ментальной ипостаси человека можно объединить в следующие тематические группы: *ум, как организм; ум, как продукт обучения, воспитания; ум, как носитель морально-волевых качеств; ум как сила, живительная энергия; ум как активный и пассивный субъект; моральные характеристики ума; эмоциональная окраска ума; ум как субъект, обладающий способностью к передвижению в пространстве.* Эти данные свидетельствуют в пользу того, что ум в русском языке расценивается как ментальная, волевая, нравственная и эмоциональная ипостась человека, т. е. в определенных контекстах ум отождествляется с человеком как организмом и социальным феноменом, способным переживать эмоции и характеризующимся определенными морально-волевыми качествами.

Можно утверждать, что представление об уме, как ментальной ипостаси человека в русской языковой картине мира, является прототипическим. Поскольку ум – это во многом сам человек, то метафорические образы ума как мобильной сущности – движения органичны, привычны и частотны в русском языке. Подвижность ума была отмечена рядом исследователей и зафиксирована в словарях. Блуждающий ‘глаз’ ума, по мнению Е. В. Князевой и Курдюмова, – «это образ, хорошо передает основу креативности человека. Ум должен быть децентрализован, расфокусирован, должен совершать свободные движения между векторами направленной активности... При этом психике присуща абсолютная гибкость и ничем не ограниченная свобода, имеет место спонтанная смена настроений и чувств» (Князева, Курдюмов 2007: 27).

Ум в зеркале языка видится как нечто подвижное, мобильное, следует живому общению с реальной действительностью, он, как корневище/ризома, прокладывает все новые пути и меняет векторы¹. Доказательства этому имеются в русском языке. В отличие от слов *разум* и *рассудок*, *ум* – это подвижная, мобильная, блуждающая, и летящая сущность. *Ум устремляется, заходит за..., блуждает, доходит, догоняет, бродит, скользит, скачет, плавает, уносится, рыщет, шатается, цепляется, уносится, расходится: Разошелся ум по закоулкам, а в середине ничего не осталось (Даль URL); ум устремился, ум за разум зашел, блуждать умом, доходить своим умом, догонять умом (Большой толковый словарь русского языка 2000).*

Ум бродит между воспоминаниями о прошлом и фантазиями о будущем. Ум ведет в будущее, создавая новое, хотя этот путь отнюдь не прямолинейен: *Взбрело на ум; ум скользит* от одного объекта к другому; заблуждение ума; *ум скачет вприпрыжку то за одной мыслью, то за другой; ум рыщет, шатания ума* (там же).

Идея о движениях ума поддерживается и его метафорическими зооморфными образами: *ум рыщет, скачет*. Производит впечатление один из примеров, приведенных В. Далем: «Ум скачет как обезьяна, не ведая направления». «Скачки» ума характерны для творческого, продуктивного мышления.

¹ Процесс познания ведет себя подобно не дереву или корню дерева, он ведет себя подобно корневищу – ризоме. В отличие от корня дерева с осевой структурой, предполагающей поэтапное движение, в сети корневища/ризомы движения непредсказуемы. Ризома «не начинается и не завершается. Она всегда в середине...». Ризома, подобно номадам, – это «кочевая» культура, ее основное свойство – изменчивость и разнонаправленность: это движение от «выделения инварианта в ряду переменных к приведению самих переменных в состояние непрерывной вариации». Ризома – это также сложное взаимопереплетение отростков и побегов, не имеющих единого корня и способных служить корнями для бесконечного множества других отростков (Делез, Гваттари URL). Модель познания, определяемая Ж. Делезем и Ф. Гваттари как ризома/корневище – это нелинейная, хаотичная структура, отсутствие вектора, полная противоположность логике дерева.

Это тип мышления, который обеспечивается «...балансом, постоянным взаимодействием двух типов мышления, опирающихся на два основных типа **перемещений внимания** – метонимический и метафорический» (Уфимцев URL). Согласно В. Далю, «ум не ведает направления» (Даль URL), что хорошо передает нелинейность творческого, интуитивного типа мышления его исследовательскую природу.

Продуктивность творческого мышления резко повышается при метафорических сдвигах или «скачках», подобных «прыжкам обезьяны» либо «белки по дереву», которые обеспечивают скорость мышления, благодаря выходу за пределы «синтаксиса»². Творческое мышление, как движение, описано еще в Слове о полку Игореве: «Боян вещий, если кому-то хотел сложить песнь, растекался мыслию по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками», где мысль Бояна, совершающая движения, подобные рысканию волка, полетам и стремительным прыжкам белки по дереву, подобным растеканию воды, отождествляется с самим Бояном, создающим песнь (Слово о полку Игореве URL).

Движения ума, как ментально-когнитивной деятельности, связываются с перемещением внимания и переключением интуитивного и абстрактно-логического мышления – это так называемое продуктивное мышление: «Продуктивное мышление – это золотая середина, это постоянное чередование двух типов перемещений внимания, двух видов мышления. Это особая культура мышления, в котором есть надежность формальной логики и свобода метафорического полёта» (Уфимцев URL).

Глаголы, образованные от этих слов, также приближают нас к пониманию внутренней сущности этих слов. *Уметь* (от ум) – ‘*поступать так как велит ум*’, выполнять определенную деятельность «с умом». *Умствовать*, хотя и приобрело отрицательную коннотацию, означает также ‘используя способности ума анализировать проблему, мыслить’. В словаре В. Даля приводятся примеры из русского языка, из которых следует, что ум, который не контролируется определенными границами – разумом и рассудком, не способен к адекватному восприятию и переработке информации: это видно по неодобрительной окраске производных глаголов и существительных от слова ум: *умствовать, безумствовать, заумствовать, наумствоваться, доумствоваться, умобредствовать, сумасбродить, умовредный, умоисступленье* (неистовство ума) и *умокиченье* (завнавшийся ум): *Он безумствует, сумасшествует. Доумствовался до безумия. Заумствовался, замечтался. Наумствовались вдоволь. Проумствуешь век, а помрешь дураком* (Даль URL). Необходимость сдерживания блужданий ума просматривается в следующих словосочетаниях: *обуздать ум, удерживать ум*.

² Метафорическое мышление позволяет увеличить скорость познавательных процессов именно благодаря «выходу» за пределы естественного языка, другими словами – его синтаксиса.

Реже ум осмысливается как неподвижная сущность, в рамках которой **движется мысль**: *вертеться на уме*. Ум действует как воспринимающий субъект, т.е. сам человек: ум *видит*, ум *понимает*, ум *отвлекается*. Ум переживается и как инструмент познания, где также просматривается идея движения: *объять умом, раскинуть умом*; определяется как *мобильное* содержимое вместилища (человека): *ум потерять, ум найти*, вставить свой ум в чужую голову (*своего ума не вставишь*); как объект испытывающий сдерживание подвижной сущности: *обуздать ум, удерживать ум*.

Соотнося деятельность ума с когнитивными архетипическими моделями, можно отметить, что он, в значительной степени, следует модели *корневище* или *ризома* (Чалыкова 2016). Приведем текст Р. Уфимцева, представляющий собой результат рефлексии творческого мышления, характеризующегося нелинейностью, обрывами и продолжением в новом направлении, метафорически описанного как создание картины художником, где каждый мазок воплощает результат мышления, а рука и кисть при этом являются как бы проекцией нелинейной творческой мыслительной деятельности:

«Каждая страница, каждая глава – словно очередной мазок кистью, который добавляет в общее полотно ещё немного красок, ещё немного деталей. Но живописец не работает как принтер, рисуя строку за строкой. Его кисть движется затейливо – вот он набрасывает общие контуры новой фигуры, вот он возвращается к прежде недоработанной детали, и тщательно её прорисовывает... В порхании кисти над полотном, вероятно, есть своя логика. Но это логика поиска и творчества, а не механическая последовательность, с которой копировальная машина воспроизводит картину. Откровенно говоря, в некоторые моменты автор и сам не вполне понимает, почему какая-то тема вдруг привлекает его внимание. Но обычно, спустя какое-то время, оказывается, что это было не случайно, и выписанная заранее деталь картины вдруг оказывается уместной и необходимой. А бывает иначе: вот, кажется, что сейчас следует полностью прописать важную сцену, раскрыть заявленную и очевидно необходимую тему, но вдруг нить обрывается или ведёт в сторону, которая не вызывает положительного интуитивного отклика (попросту, кажется не интересной). В этом случае следует отложить кисть, отойти от мольберта и дождаться, пока новая идея не призовет тебя к продолжению.

Может быть, идея окажется напрасной, и тогда придётся вновь отодвинуться от полотна, взглянуть на него издали и критически...» (Уфимцев URL).

Проследим цепочку глаголов и сочетаний глаголов в приведенном тексте:

добавляет немного красок, немного деталей, не работает как принтер, движется затейливо набрасывает общие контуры, возвращается к дета-

ли, прорисовывает, порхание (порхает) кисти, привлекает его внимание, прописать, раскрыть, обрывается, ведёт в сторону, не вызывает отклика, отложить кисть, отойти от мольберта, дожидаться, призовет тебя, окажется напрасной, придётся отодвинуться, взглянуть издали и критически...

Все характеристики ризомы налицо: нелинейность, обрывы, выходы на поверхность и уход под землю, кажущаяся нецеленаправленность и наконец необходимость отстранения и взгляда с высоты или со стороны...

Интуитивные прозрения о нерациональности, спонтанности, неупорядоченности творческого мышления высказаны П. А. Флоренским, который считал, что для интуитивного философского мышления характерны «вскипания, вращения, вихри, водовороты – им не свойственна рациональная рас- планировка, и **было бы фальшью гримировать их под систему**, – если только и вообще-то таковая не есть всегда *vaticinium post eventum*, вещание после самого события мысли; но, **не будучи упорядоченно-распределенными, исчислимо-сложенными, эти вскипания мысли**, это:

...колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход» (Флоренский URL).

Этот результат саморефлексии творческого интуитивного мышления подчеркивает не только хаотичность мыслительной деятельности, но и следующий этап познания – «упорядоченное распределение, исчислимое сложение» «вскипаний мысли», т.е. необходимость упорядочения хаоса.

Вот еще одна зарисовка интуитивного ума, не всегда контролируемого разумом и рассудком: удивительным примером человека, у которого интуитивный ум явно преобладал над рассудком, был наш император Павел I. Князь А. Чарторыйский писал о нем: «Император Павел правил *вспышками, скачками, порывами, без всякой связи*, не смущаясь совершенно последствиями; правил, как человек, который не дает себе никогда труда размыслить, взвесить все за и против, который приказывает и требует немедленного исполнения всякой фантазии, приходящей ему на ум. Его царствование стало, в конце концов, царствованием настоящего террора» (Коровин 1996: 194–195).

Подобны корневищу/ризоме с точки зрения нелинейности, неупорядоченности различные виды внутренней речи, в том числе и внутренняя речь.

Под внутренней речью понимается беззвучная речь, скрытая вербализация процесса мышления, работа *сознания*, которая проявляется при решении различных задач, внимательном слушании речи других людей, чтении про себя, мысленном планировании, запоминании и припоминании. Мысль при внутренней речи выражается в виде семантических комплексов, состоящих из фрагментов слов и фраз, которые могут сопровождаться или прерываться образами, знаками, символами, что превращает данный тип речи в код,

существенно различающийся от устной и письменной речи. Н. И. Жинкин отметил, что само применение натурального языка возможно только через фазу внутренней речи, наиболее тесно связанной с мыслительным процессом, поскольку изображение входит в состав мышления. Внутренняя речь определяется автором как предметно-изобразительный код (внутренняя речь), а внешняя как речедвигательный (экспрессивная речь) (Жинкин 1964).

Отличие внутренней от внешней речи было описано еще И. М. Сеченовым. При внутренней речи, согласно теории И. М. Сеченова, эфферентная часть внутреннеречевых рефлексов заторможена. Рефлексы внутренней речи – это функционально измененные обычные речевые рефлексы. При внутренней речи опускается большинство членов предложения и остается лишь один из главных: подлежащее или сказуемое. Преобладает полное отсутствие вокализации, хотя в некоторых случаях внутренняя речь может выражаться в шепоте, бормотании и даже громком произнесении некоторых слов. Характерно выпадение гласных, как звуков, несущих меньшую смысловую нагрузку. В качестве отличительных особенностей внутренней речи Л. С. Выготский указывает на ее местоименность (когда предмет мысли фигурирует в указательных местоимениях); образности (кинестезической, слуховой или зрительной). Особое значение Л. Выготский придает фрагментарности, сокращенности внутренней речи по сравнению с внешней, а также особой предикативности как ее основной и единственной форме. Эта предикативность, согласно Выготскому, состоит, с психологической точки зрения, из одних сказуемых, причем здесь мы встречаемся не с относительным сохранением сказуемого за счет сокращения подлежащего, а с абсолютной предикативностью. Точно так же, как для письменной речи состоять из развернутых подлежащих и сказуемых есть закон, для внутренней речи законом является пропуск подлежащих, поэтому внутренняя речь состоит преимущественно из одних сказуемых (Выготский 2008: 506–508).

В современной психологии внутренняя речь понимается и как механизм осмысления сенсорных данных, который может руководствоваться самоинструкциями, под контролем самоанализа и самооценки деятельности мыслящего субъекта. Другими ее функциями является участие в словесно-логическом мышлении, управлении процессом мышления, осуществлении контроля над вниманием и его сосредоточением на решении задачи, способствовании запоминанию информации, необходимой для ее решения, в первоначальном формулировании мысли. Эти наблюдения подтверждаются экспериментальными данными – если искусственно затормозить во время мышления работу голосовых связок человека (а именно по их активности обычно определяется факт и степень участия внутренней речи в процессе мышления), то процесс мышления резко нарушится, замедлится и затруднится; человек в этих условиях не сможет правильно и быстро решать даже сравнительно простые задачи, с которыми он обычно легко справляется при

свободной работе голосового аппарата во время процесса мышления (Энциклопедия практической психологии URL).

Внутренняя речь в художественном тексте представляет собой прием автора, позволяющий прикоснуться к «потoku» сознания героя, через его речемыслительную деятельность. Это может быть внутренний монолог, имитирующий внутреннее проговаривание – «речь про себя»; или же собственно внутренняя речь, когда она выступает как средство мышления, используя специфические единицы. Для внутренней речи, в отличие от внешней, (устной и письменной форм) не характерна избыточность, а «конвенциональное правило составляется *ad hoc*, лишь на время, необходимое для данной мыслительной операции» (Жинкин 1964).

Блуждания ума можно наблюдать при таких видах ментальной деятельности как воспоминания. Так же как и корневище/ризомы, воспоминания характеризуются разрывами и возможностью «входа» в любом месте, неожиданными поворотами, невозможностью найти начало и невидением конца. Сама жизнь человека в контексте Истории близка к модели Корневище/Ризомы: «История жизни начинается для нас в случайном месте – с некоей определенной точки, которую мы запомнили, и уже с этого момента наша жизнь становится чрезвычайно сложной. Мы вообще не знаем, чем она станет. Поэтому у истории нет начала, а о конце ее можно лишь высказывать смутные предположения» (Катаев URL). Воспоминания о жизни также лишены глубинной структуры, как стержня, способны на связь во всех своих измерениях, подобно ризоме, могут быть разорваны, перевернуты, в них можно «войти» с любой точки. Воспоминания и корневище чужды любой структуре, любой системности: «*ризомы* не являются ответственной ни за какую структуральную или генеративную модель» (Делез, Гваттари URL).

Приведем пример вербализованного воспоминания, характеризующегося стремлением зафиксировать нелинейный процесс воспоминаний: «Этой картине должна была сопутствовать какая-то неземная, печальная музыка и какие-то слова, выпавшие из памяти. Но какие? Выпадение из памяти всегда мучительно. Вы слышите хорошо знакомую музыку, но как она называется – забыли. Идет хорошо вам знакомый человек, но его имя выпало из памяти. Распалась ассоциативная связь, которую так мучительно трудно наладить. Я окаменел от усилия вернуть забытые, но некогда хорошо известные слова, вероятно даже стихи. Вдруг все объяснилось. Наш гид произнес: – Синьоры, внимание. Перед вами гротто Дионисо, грот Диониса. ...в тот же миг восстановилась ассоциативная связь. Молния озарила сознание. Да, конечно, передо мной была не трещина, не щель, а вход в пещеру – в грот Диониса. Я услышал задыхающийся астматический голос молодого птицелова – гимназиста, зывающего из балаганной дневной полутьмы летнего театра к античному богу: «Дионис! Дионис! Дионис!» ... «Там, где выступ холодный и серый водопадом свергается вниз, я кричу у безмолвной пеще-

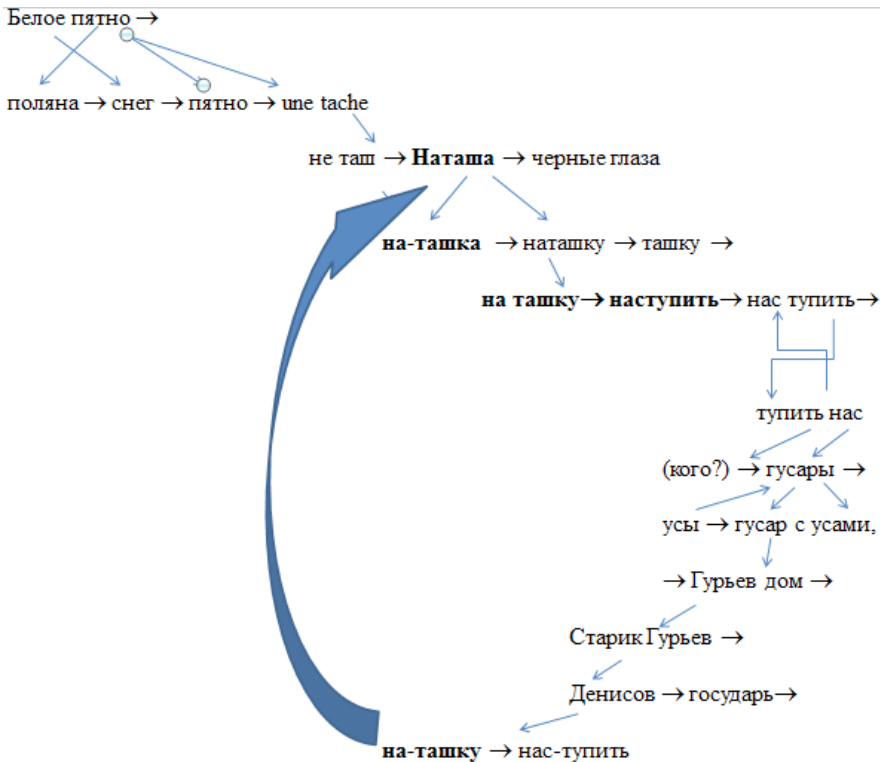
ры: Дионис, Дионис, Дионис!» Теперь он был передо мной наяву, этот серый гладкий каменный водопад со входом в грот Диониса, откуда слышался тонкий запах выжатого винограда. – Здесь, синьоры, сказал гид в клетчатом летнем костюме, с нафабранными усами, – бог Дионис впервые выжал виноград и научил людей делать вино. Ну да! «Ты ушел в бирюзовые гроты выжимать золотой виноград...» (Катаев URL).

«Провал» в памяти автор определяет как распад ассоциативной связи. Стоило услышать название грота, образная память вызвала к жизни богатые обонятельные, зрительные и слуховые ощущения, полностью восстановив ситуацию и забытые слова стихотворения. Воспоминания нелинейны, невозможно восстановить свою жизнь в линейной последовательности, день за днем, час за часом и минута за минутой, они фрагментарны, избирательны, многие моменты безвозвратно забыты, стерты из памяти. С подобными проблемами сталкивается человек при попытках восстановить историю своей жизни. Иногда они выглядят как фиксация несвязанных между собой фрагментов самонаблюдения. В повести «Разбитая жизнь или Волшебный рог Оберона» «Письмо внучке» В. Катаев пишет: «Вот еще что прочел я в дневнике Толстого: ...Если будет время и силы по вечерам, то воспоминания *без порядка, а как придется*... Очень стал живо вспоминать...» (Катаев URL).

Характеристиками ризомы обладает внутренняя речь и чередование образов при засыпании, так же, как при воспоминаниях ум «бродит» между ассоциациями, но при засыпании можно наблюдать распад слов и попытки осмысления их частей. Вот пример ризомных блужданий ума Николая Ростова, который засыпает верхом на лошади в преддверии Аустерлицкого сражения, с характерными разрывами связей, установлением новых, провалами сознания и «выходом на поверхность»:

«Он поправился на седле и тронул лошадь, чтобы еще раз объехать своих гусар. Ему показалось, что было еще светлей. В левой стороне виднелся пологий освещенный скат и противоположный черный бугор, казавшийся крутым, как стена. На бугре этом было белое пятно, которого никак не мог понять Ростов: поляна ли это в лесу, освещенная месяцем, или оставшийся снег, или белые дома? Ему показалось даже, что по этому белому пятну зашевелилось что-то, «Должно быть, снег – это пятно; пятно – *une tache*, – думал Ростов. – Вот тебе и не *таш*... Наташа, сестра, черные глаза. На... ташка... (Вот удивится, когда ей скажу, что видел государя!) Наташку ... ташку возьми...». «Поправей-то ваше благородие, а то тут кусты», – сказал голос гусара, мимо которого, засыпая, проезжал Ростов. Молодой детский сон непреодолимо клонил его. «Да, бишь, что я думал? – не забыть. Как с государем говорить буду? Нет, не то – это завтра. Да, да; На *ташку*, наступить... *тупить нас* – кого? Гусаров. А гусары и усы... По Тверской ехал этот гусар с усами, еще я подумал о нем, против самого Гурьева дома... Старик

Гурьев... Эх, славный малый Денисов! Да все это пустяки. Главное теперь – государь тут. Как он на меня смотрел, и хотелось ему что-то сказать, да он не смел... Нет, это я не смел. Да это пустяки, а главное не забывать, что я нужное что-то думал, да, На-ташку нас-тупить, да, да, да. Это хорошо». И он опять упал головой на шею лошади».

Первоначально картина, открывающаяся перед взглядом Николая Ростова это два образа – освещенный скат и черный бугор. На бугре появляется белое пятно, вызывающее образы снега и поляны, звуковая ассоциация названия пятна на французском языке *une tache* и *tash* или *ташка* имени сестры – *Natascha*, первоначально, как объединение созвучных слогов, далее две параллельные ассоциации: 1) по цветовому контрасту – цвета белой поляны и черных глаз Наташи и 2) звуковая ассоциация – *не-таш*, *на-ташку* (ташка от нем. *Tasche*, сумка, или от полностью созвучного венгерского слова «сумка» – *Taska*) – плоская кожаная сумка у военных первоначально у гусар в XVII–XIX веках – созвучие имени Наташи, сумки для патронов, которую носили гусары – *на ташку* – (т.е. на гусарскую сумку). Косвенная форма названия предмета (*на ташку*) требует глагола, наиболее близким оказывается – *наступить*, *нас-тупить*, следует разрыв слова как попытка осмыслить

морфемы как самостоятельные слова – *нас тупить*, перемена мест морфем в попытке осмыслить их – *тупить нас*. Распад слова вызывает концентрацию и осмысление префикса *нас-* как местоимения в вин. п., что вызывает вопрос (кто мы?). Ответ на этот вопрос засыпающего сознания Николая Ростова – *гусары*, сопровождаемый образом гусара с усами, виденного Николаем Ростовым у дома Гурьева. Следует метонимия – старик Гурьев и Денисов, связанный с этим домом, образ государя, которому служат Николай Ростов, Денисов и гусары, далее возникает образ Наташи по ассоциации Денисов – Наташа (Денисов был влюблен в Наташу). Таким образом закрывается круг через петлю обратной связи – возвращение происходит однако не к первоначальным образам светлого склона и черного бугра, а к ассоциации близкого человека – Наташи.

При засыпании нет Анализатора – Разума и Наблюдателя – Рассудка, которые присутствует при воспоминаниях не давая погрузиться в нечто, не соответствующее реальности, здравому смыслу.

Таким образом, на основании анализа сочетаемости прилагательных и глаголов со словом *ум* было установлено, что в русском языковом сознании *ум* воспринимается как ментальная, нравственно-моральная и эмоциональная ипостась человека, которая характеризуется как мобильная сущность. Доказательства «мобильности» ума, можно найти в сочетаемости слова *ум* с глаголами движения, а также наблюдениях внутренней речи, представляющей собой поток сознания при творческом мышлении, воспоминаниях или переходные состояния (засыпание).

Можно предположить также, что ментально-когнитивная деятельность, определяемая в русском языке словом *ум*, обладает характеристиками ризомы/ корневища в отличие от древовидного абстрактно-логического мышления.

Библиография

- Большой толковый словарь русского языка* (2000), гл. ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург.
- Выготский Л. С. (2008), *Мышление и речь*, Психология мышления, ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др., Москва.
- Жинкин Н. И. (1964), *О кодовых переходах во внутренней речи*, «Вопросы языкознания», № 6, с. 26–38.
- Катаев В. (1964), *Алмазный мой венец*, Москва.
- Киндеркнехт А. С. (2005), *О национальной особенности поэтической формулы «сердце-ум»*, [в:] *Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков*, Пермь, с. 148–153.
- Кириллова И. В. (2012), *Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиция ум-глупость в русской языковой картине мира*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Нижний Новгород.

- Князева Е. Н., Курдюмов С. П. (2007), *Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции*, Москва.
- Коровин В. (1996), *Поэт и мудрец. Книга об Иване Крылове*, Москва.
- Пименова М. В. (2004), *Антропоморфная парадигма признаков в структуре концепта ум*, Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», № 2, с. 32–35.
- Сеченов И. М. (1953), *Избранные произведения*, под ред. и с вступ. ст. В. М. Каганова, Москва.
- Сираева Р. Т. (2012), *Общая характеристика концептов сферы ментальной деятельности*, Вестник Башкирского университета, Серия «Филология и искусствоведение», № 3/1, с. 1570–1573.
- Стоянова Е. В. (2013), *Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации*, Шумен.
- Стоянова Е. В. (2014), *Специфика, параметры и функции метафоры в современном российском медиатексте*, «Любословие», № 14, с. 151–159.
- Урысон Е. В. (2000), *Логический анализ языка. Языки этики*, Москва: Языки русской культуры.

Интернет источники

- Головня А. И., Дзин Ф., *Репрезентация антиномических концептов ум-глупость в русском и китайском языках*, <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/53698/1/>.
- Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, <http://slovari.299.ru/word.php?id=20225&sl=oj>.
- Делез Ж., Гваттари Ф., *Капитализм и шизофрения*, <http://tfk1.narod.ru/rizoma.htm>.
- Делез Ж., Гваттари Ф., *Что такое философия?*, Санкт-Петербург, <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deloz-gvattary-philos-8l.pdf>.
- Дзюба Е. В. (2009), *Концепт «ум» в научном освещении и наивном представлении русского народа*, «Известия Уральского государственного университета», Сер. 1, «Проблемы образования, науки и культуры», № 4 (68), с. 188–199, <http://elar.uurfu.ru/bitstream/10995/19220/1/iurp-2009-68-27.pdf>.
- Дзюба Е. В., *О влиянии идеологии на формирование категории «интеллект» в русском языковом сознании*, <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2080/1/plin-2015-02-22.pdf>.
- Катаев В., *Разбитая жизнь или волшебный рог Оберона*, http://www.e-reading.club/chapter.php/26333/4/Kataev_Razbitaya_zhizn%2C_ili_Volshebnyii_rog_Oberona.html.
- Энциклопедия практической психологии*, <http://www.psychologos.ru/articles/view/psihologos>.
- Семенов Ю. И. (2005), *Рассудок и разум*, [в:] *Труды XLVIII научной конференции «Современные проблемы фундаментальных и прикладных наук», Часть IX, Факультет гуманитарных наук, 25–26 ноября 2005 года*, Москва, с. 7–9, <http://www.istmat.ru/index.php?menu=1&action=1&item=180>.
- Сергеева Н. М. (2004), *Концепты «ум», «разум» в русской языковой картине мира*, Автореф. канд. дисс., Научная библиотека диссертаций и авторефератов, disserCat <http://www.dissercat.com/content/kontsepty-um-razum-v-russkoi-yazykovoi-kartine-mira#ixzz3qhLiqkmF>.
- Сергеева Н. М. (2011), *Восточно-славянская фразеология сквозь призму образов умственной деятельности человека на материале концептуальной сферы «умственные способности человека»*, Ученые записки ЗабГГПУ. Серия филология, история, востоковедение, № 2, с. 94–97, <http://cyberleninka.ru/article/n/vostochnoslavyanskaya-frazeologiya-skvoz-prizmu-obrazov-umstvennoy-deyatelnosti-cheloveka-na-materiale-kontseptualnoy-sfery>.
- Слово о полку Игореве*, Перевод реконструированного текста, <http://www.infoliolib.info/rlit/drl/slovooper.html>.
- Толстой Л. Н. (1996), *Война и мир*. Собрание сочинений в восьми томах, т. 3, 4, Москва.

- Тугарева В. В. (2008), *Сопоставительная характеристика ядерных лексем, представляющих концепт «разум» в английском и русском языках*, «Филологические науки», Вопросы теории и практики, Тамбов, № 2, с. 125–127. <http://www.gramota.net/materials/2/2008/2/47.html>.
- Уфимцев Р., *Когнитивист. Пролог 86. Пятый цикл. Простые числа*, http://www.cognitivist.ru/er/kernel/prologi_86_primes.xml.
- Флоренский П. А., *У водоразделов мысли*. Соч.: в 4-х т, т. 3. Москва, http://hotkovo.net.ru/library_view.php?id=41&mode=1.
- Чалыкова Т. И. (2016), *Дерево, Корневище и Паутина – архетипы познания и фрактальные модели в языке*, SocioBrains. Internactional Scientific Refereed Online Juornal, <http://sociobrain.com/bg/top/home>, с. 59–78.

Tatyana Chalakova

WANDERING OF THE MIND. LINGUISTIC CONSCIOUSNESS ABOUT MENTAL AND COGNITIVE HUMAN ACTIVITY

(Summary)

Mind in the Russian language consciousness is presented primarily as a mobile mental, ethical and emotional essence of the person. The paper examines some types of inner speech – during creative thinking, the memories and falling asleep. The study suggests that the main cognitive model, followed by cognitive human activity, marked with the word mind is the model of the Rootstock / Rhizome.

Keywords: Cognitive science, linguoconceptology, intelligence, cognitive model, rhizome.

БЛУЖДАНИЯ УМА: ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ О МЕНТАЛЬНО-КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

(Резюме)

Ум в русском языковом сознании представлен преимущественно как мобильная ментальная, нравственно-этическая и эмоциональная ипостась человека. В статье рассмотрены некоторые виды внутренней речи – при творческом мышлении, воспоминаниях и засыпании. В результате исследования высказывается предположение, что основная когнитивная модель, которой следует когнитивная деятельность человека, обозначенная словом ум – это модель Корневище / Ризома.

Ключевые слова: когнитивистика, лингвоконцептология, ум, когнитивная модель, ризома.